

УДК 371.3

Е.Ю. Полтавец

Так что же нам делать с «Войной и миром»?

Книга «Война и мир» Л.Н. Толстого всегда была важной частью отечественных программ преподавания литературы в школе. Еще в позапрошлом веке без этого произведения невозможно было представить изучение словесности в гимназии. Но в настоящее время это предмет дискуссии. Статья посвящена сути этой проблемы. Кроме того, предлагаются некоторые подходы к школьному преподаванию «Войны и мира».

Ключевые слова: Лев Толстой; «Война и мир»; экзаменационное сочинение; школьное преподавание; творческие способности ученика.

Слепые вожди слепых; а если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму.

Мтф. 15:14

Вопросу о том, как читать и изучать «Войну и мир» Л.Н. Толстого в школе, уделялось немало внимания в отечественной педагогической науке. В аспекте методики преподавания или восприятия юными читателями это произведение рассматривалось в монографиях, посвященных теме «Л.Н. Толстой в школе», в отдельных пособиях для учителя, сборниках, статьях. Достаточно назвать работы С.И. Леушевой, Н.Н. Наумовой, И.А. Потапова, Г.Н. Фейна, Е.Н. Ильина, Т.Г. Браже, Л.Д. Опульской, С.Г. Бочарова, Н.Г. Долининой, недавнюю статью В. Лукьянина и других исследователей, методистов и публицистов, многочисленные сборники статей о преподавании литературы в школе. Сложился некий «джентльменский набор» учителя для подготовки к урокам по «Войне и миру», в который, например, неизменно входит книга С.Г. Бочарова ««Война и мир» Л.Н. Толстого», не имеющая подзаголовка «Книга для учителя», но воспринимающаяся в качестве таковой уже не одним поколением отечественных словесников.

В последнее время получили распространение телевизионные лекции об отечественных и зарубежных литературных шедеврах. Конечно, «Войне и миру» посвящается довольно много телепередач и выступлений отечественных филологов. Устный жанр рассчитан прежде всего на школьников (и в меньшей степени на студентов), хотя трудно представить себе учителя или вузовского преподавателя, который ограничится показом видеозаписи, отказавшись от собственной лекции. А живое слово преподавателя воздействует во много раз сильнее, чем речь, звучащая с экрана телевизора.

Пособия для учителя и другую литературу, предлагающую целостный анализ произведения, а также лекции в Интернете можно разделить в основном на два вида. Работы первого вида касаются «проблематики», «изображения исторических событий», «принципов композиции», «новаторского жанра», «основных образов», «философской основы». Иногда добавляются разделы о «мастерстве» или психологизме Толстого. Поскольку все вышеперечисленное относится к сложнейшим и ключевым проблемам «войнамиристики», обстоятельный анализ в рамках одного пособия-монографии невозможен, а беглые обзоры-дайджесты бесполезны, так как неизбежно сужают и профанируют предмет рассмотрения. Здесь возникает и другое, более важное препятствие. Школьный словесник, прочитавший такую монографию, может быть, и утвердился в своем понимании «философской основы», «изображенных исторических событий», «принципов композиции» и «приемов типизации», но транслировать все это ученикам именно под этикетками «философская основа», «изображенные исторические события», «проблематика» и пр. он вряд ли найдет возможность. Любой не оторвавшийся от действительности учитель понимает, что шестнадцатилетние неофиты толстоведения, сидящие перед ним за партами, не воспринимают метаязык «философской основы», «принципов исторического изображения», «приемов типизации» и т. д.

Работы второго вида ориентированы на описания «путей исканий» толстовских героев и задуманы как завлекательные «травелоги», предлагающие путешествия «по страницам» толстовской книги. Авторы сих трудов полагают, что у учителя все хорошо с «философскими основами», но плоховато с задушевностью, которая может быть самой разнообразной: от приглашений посочувствовать Пьеру, попавшему в плохую компанию, или пожалеть круглого сироту Николеньку Болконского до скрупулезного разбора лексических средств, с помощью которых создается толстовская ирония в описании Курагиных или выявляется ласковое отношение солдат к Пьеру, которого они прозвали «наш барин». Но даже восхищение языком Толстого и приглашение учеников к интеллектуальному пиру, состоящему из таких изысканных блюд, как «правдивость», «точность описаний», «средства выражения иронии», «многозначность эпитетов», «выразительность картины» и т. п., не должно все-таки превращаться в демьянову уху, а тем более заслонять общее эмоциональное впечатление-сопереживание читателя. Объясняя школьнику, откуда взялось его впечатление от прочитанного и какими средствами этого добился автор, мы рискуем впечатление это значительно ослабить и даже вообще убить. Словом, как пишет А.Б. Галкин, «читателю довольно отыскать близкое ему в произведении, чтобы получить эстетическое и любое другое наслаждение» [2: с. 402]. Вряд ли чужие восторги или стилистический анализ, объясняющий эти восторги, окажутся для школьника такими уж близкими, а тем более первостепенными при знакомстве с «Войной и миром».

К тому же литературоведы и методисты — тоже читатели, и интересно, что в методической литературе нет ни одного примера такого стилистического

анализа, где восхваление языковой выразительности и средств создания образа не переходило бы в неумеренное восхваление созданного Толстым персонажа. Как правило, от восхищения тем, *как* Толстой рисует Наташу Ростову, авторы статей и монографий тут же незаметно для себя переходят к выражению собственных восторгов от Наташи: она и живая, и непосредственная, и пляшет, и поет, и жертвует своими нарядами ради того, чтобы отдать подводы раненым (о том, что ее брат Петя пожертвовал не гардеробом, а своею жизнью, как-то забывается в этом литературоведческом экстазе). Психология такого перехода от анализа стиля к восхвалению персонажа понятна: самое приятное для аналитика — это любоваться собственной пронизательностью и душевной тонкостью.

И уж совсем странно выглядят кочующие по Интернету пересказы «путей исканий» то Пьера Безухова, то Андрея Болконского, то «пути Наташи Ростовой к счастью». (Почему-то в этом смысле «повезло» только героям Толстого, а к героям Тургенева, Гончарова, Лескова, Достоевского эти «пути» и «искания», к счастью, не прилагались). Причем в таких случаях с персонажами Толстого (уж очень они живые!) происходит именно то, о чем пишет литературовед: «Литературные персонажи превращаются в близких знакомых, соседей по лестничной клетке или даче: их ругают взахлеб, обращают к ним слова восхищения и любви, учат их жить, упрекают за неправильные поступки, объясняют, как надо было вести себя и пр.» [2: с. 407]. Изданная много лет назад и переиздававшаяся позже книга В.В. Ермилова «Толстой-художник и роман “Война и мир”» (1961), повлиявшая на восприятие «Войны и мира» советским школьным и не только школьным литературоведением (отголоски ее явно слышатся даже в знаменитой работе Бочарова), именно так и написана. Это в высшей степени напористый и энергичный текст, которому нельзя отказать в яркости формулировок и броскости заголовков. Смысл этой монографии — превознесение Наташи Ростовской, единственной идеальной и правильной, как учение марксизма, героини Толстого. По-видимому, подсознательные опасения бывшего рапповца, что сосредоточение на идейном содержании образов князя Андрея и даже Пьера Безухова может послужить предлогом для уже не очень опасного (в 1961 г.), но нежелательного обвинения в идеологических ошибках, заставили автора игнорировать идеологических героев и нагрузить на Наташу Ростову всю «философскую основу» произведения, которая, по мнению автора, заключается в утверждении живой жизни (в еще большей степени, чем по концепции В. Вересаева), торжестве жизнелюбия и жизнерадостности. Прочие герои (особенно князь Андрей) получили от Ермилова суровые выговоры за отсутствие жизнерадостности и непонимание того, что Наташа всегда и во всем права, следовательно, в истории с Анатолом виноваты князь Андрей и все окружающие, но уж никак не сама Наташа, которая — «сама жизнь». Книга получилась яркая по стилю и практически бесспорная (кто же будет выступать против торжества жизни!).

Такая непогрешимая, не толстовская, а ермиловская Наташа затмила серьезную монографию и аналитические статьи о «Войне и мире» А.А. Сабурова, изданные

двумя годами ранее (1959), и культ Наташи как средоточия какой-то неумемной жизнерадостности, приписанной автору «Войны и мира», к сожалению, прочно утвердился. Для сравнения напомним, что в пособии В. Саводника для «старших классов средних учебных заведений» (1911) рассмотрение женских образов «Войны и мира» начиналось с образа княжны Марьи как главного, затем говорилось о Наташе, о ее «талантливой натуре» вкупе с «недочетами образования», «отсутствием въ ней болѣе широкихъ умственныхъ интересовъ», «ошибками», «легкомыслиемъ», «раскаяніемъ» и «душевыми мучениями» [3: с. 222–223]. Эта Наташа во все времена имеет гораздо больше шансов вызвать сопереживание у школьника и вообще молодого читателя, так что культивировать умиление пожилых толстоведов-дедушек Наташиной детской непосредственностью и неопытностью вряд ли стоит, особенно среди читательниц подросткового возраста. Максима о том, что «юности рассуждать о юности по меньшей мере безвкусно» (Т. Манн), еще не утратила своего смысла.

Возвращаясь к современности, отметим счастливо выделяющиеся на фоне всей литературы для школьного словесника две небольшие по объему монографии, столь же научные, сколь и увлекательные: «“Война и мир” Л.Н. Толстого» В.Я. Линкова из серии «Перечитывая классику» (первое издание в 1998 г.) и «Роман Л.Н. Толстого “Война и мир”» В.Е. Хализева и С.И. Кормилова (1983). Последняя снабжена указанием на то, что она может служить «в качестве учебного пособия для студентов педагогических институтов». К сожалению, она не переиздавалась, а ведь нужна не только студенту, а и дипломированному педагогу, и исследователю.

Итак, не заставлять подростков сюсюкать о смелости Наташи, вопрошающей, какое будет пирожное, и не требовать от них оценить величие мимики танцующей Марьи Дмитриевны, а поставить перед учениками задачу, решение которой, на первый взгляд, превышает их возможности. Умиляют современную молодежь, пожалуй, только коттики в Интернете, да и то не всегда, но озадачить юных читателей еще можно. Стоит, наверное, прочесть вслух эпизод отъезда Ростовых из Москвы в 1812 г. И спросить, хотел ли автор показать, что Наташа повзрослела и изменилась. Ради этого эпизод и создан. Ведь здесь впервые Наташа думает не о себе, а о других, впервые обнаруживает способность сострадать. И поэтому уже во многом другая Наташа встретится с Андреем Болконским в Мытицах, а потом — с Пьером в Москве. И «прежний огонь» [2: т. 7, с. 278] будет с этих пор зажигаться в ней очень редко, как замечает Толстой, потому что вся история Наташи написана о том, что хорошие люди, в отличие от тупых эгоистов, взрослеют, учатся на своих ошибках и, сберегая свежесть чувств, осознают свой долг.

Сегодня некоторые бывшие школьники, замученные в свое время всеми этими «путями исканий», живостью Наташи, фатализмом Кутузова и наполеонизмом Наполеона, стали предлагать исключение «Войны и мира» из школьной программы. При этом нельзя не удивиться тому, что немалые по объему

романы М.А. Шолохова и Б.Л. Пастернака подобных нападок не встречают, по крайней мере с начала введения ЕГЭ.

Парадокс. «Война и мир» представляется так хорошо изученным и методически обработанным произведением, что кажется уже надоевшим. Да и замена полноценного школьного и абитуриентского экзаменационного сочинения на демагогическое «итоговое», где выпускникам школы предлагаются странные темы, спровоцировала распространение крайне поверхностного взгляда на непростые произведения школьной программы. Семнадцатилетние молодые люди пишут псевдосочинения на темы, которые можно было бы предложить разве только девяти-десятилетним третьеклассникам, да и то с чувством некоторой неловкости: «Кого можно назвать настоящим другом?», «Что дом может рассказать о своем хозяине?» и т. д., при этом желательна «опора» на литературный «материал». Читать в таких условиях «Войну и мир» — это палить из пушки по воробьям. Не лучше обстоит дело и с частью 2 в ЕГЭ по литературе, потому что там полноценное аналитическое сочинение тоже заменено на короткое эссе, а вопросы части 1 (якобы на знание текста произведения) составлены так, что любой абитуриент понимает: читать классику для того, чтобы сдать экзамен, совсем не обязательно.

Затея с «тестом по текстам», популярная в былые годы, провалилась: нелепо проверять «знание текста», спрашивая, как зовут главного героя романа «Евгений Онегин», как нет и никакого резона допытываться, помнит ли абитуриент кличку собаки Николая Ростова. Заглянем в демонстрационный вариант ЕГЭ и увидим, что всего одно из заданий можно назвать направленным на проверку знания... и то сюжета, но не текста! Например, предлагается *«установить соответствие между персонажами и их дальнейшей судьбой: ПЕРСОНАЖИ: Евгений Базаров, Николай Кирсанов, Павел Кирсанов; СУДЬБА: получает ранение на дуэли, умирает от тяжелой болезни, женится на Фенечке»*. Выполнить задание может абитуриент, вовсе не читавший романа Тургенева, при условии, что он знаком с кратким пересказом сюжета, и даже не сюжета, а только финала. А уж читать четыре толстых тома «Войны и мира» только для того, чтобы узнать, кто умер и кто женился... Словом, экзамены никак не поощряют школьника изучать литературу: вопросная часть, весьма сомнительным образом «проверяющая» знание терминов и литературных фактов, зачем-то потеснила и обесценила сочинение, как будто сочинение можно написать без знания терминов и фактов. «Итоговое» же сочинение и вовсе превратилось в загадочные «взгляд и нечто».

Но вина «Войны и мира» еще и в том, что герои — романтический Андрей Болконский (ему, самому старшему из главных героев, в 1805 г. только 26 лет), совсем еще юные Пьер, Николай Ростов, Наташа, княжна Марья, не говоря уж о Пете, — устремлены в будущее и не опутаны житейскими мелочами; герои Толстого могут совершать ошибки, но не могут идти на компромиссы. Говорят о сложности и объеме «Войны и мира» как о предлоге для того, чтобы

исключить это произведение из школьной программы, т. е. совсем не читать, взрослые составители программ проецируют собственные семейные и служебные проблемы на текст Толстого. Другие сложные и объемные произведения бессознательного отторжения не вызывают, потому что их герои, при всем своем обаянии, размышляют (в отличие от героев Толстого) о своих финансовых, карьерных проблемах и о совмещении жен с любовницами, что так близко взрослым методистам и педагогам (но взрослые забывают, что это пока очень далеко от подросткового возраста).

Так что же нам делать? Озадачивать. «Дать общее представление о кодах и моделях, на которых основаны наши интерпретации текста», как пишет Т. Фостер [6: с. 15], и при этом добиться, чтобы ученики могли самостоятельно обнаруживать закономерности и проводить параллели. Работа учителя и учеников должна быть направлена на выявление референций и анализ смыслового контекста художественного произведения, а не на репродукцию текста пособия и выявление/повторение своих или чужих эмоций. Даже стилевая организация произведения при таком подходе должна рассматриваться именно как излучатель, генератор референций в первую очередь и только потом — как «изобразительность», «выразительность», проявление иронии, индикатор модуса и т. д. Эстетическое наслаждение есть слишком интимная и мало поддающаяся рефлексии вещь, чтобы выставлять ее напоказ на уроке. Зато «смысл, запертый в тексте и еще не проявленный, томится в ожидании своего освободителя» [5: с. 8], и это в первую очередь интертекстуальный и мифопоэтический референтные пласты произведения. Здесь открывается для учителя возможность озадачить ученика и отправить его в интеллектуальный поиск, даже если этому ученику скучны как семейные идиллии, так и батальные картины. Анализируя, к примеру, сцену пляски Наташи после охоты как характеристику артистизма героини и обращая внимание на русские «дух и приемы» [2: т. 5, с. 277] пляски, радостные слезы Анисьи, восхищение дворовых, мы еще не постигнем главный смысл эпизода. Но если вспомнить, что охота на волка — предсказание (по мысли С.Г. Бочарова) войны с Наполеоном, то танец Наташи и дядюшки предстанет еще и ритуальной охотничьей и военной пляской, обеспечивающей победу жизни над смертью, хотя исполнители, понятно, об этом не догадываются. Непробудный сон Пети предвещает его смерть, а судьба князя Андрея тоже предсказана: он остается в воспоминаниях Наташи. Наконец, спросим, соотносится ли текст песни «По улице мостовой», под которую пляшет Наташа, с ее дальнейшей судьбой? Разумеется.

Школьники более внимательно прочитают эпизод отъезда Ростовых из Москвы, если учитель вместо восхваления Наташи и негодования по поводу Берговой шифоньерочки предложит вопрос: «Какие вещи Наташа все-таки упаковывает и чем они напоминают сказочные волшебные предметы?». Наташа укладывает некоторые ковры и блюда; ковер-самолет не пригодился, но волшебное блюдечко было тем сказочным помощником, который помог выкупить из тридевятого царства (с того света) Финиста — Ясного сокола

(сходство со сказкой проявляется и в том, что слезы Наташи, как и слезы сказочной героини, оживляют князя Андрея, он приходит в себя и узнает ее). Эпизод лунной ночи в Отрадном невозможно понять без ответа на вопрос: «С какими персонажами (не только русской литературы) связан мотив лунного света и есть ли общее в судьбах этих персонажей?». Невозможно игнорировать новозаветный реминисцентный фон «Войны и мира» и оставить без внимания хотя бы такие вопросы: «Кто из героев умирает в 33 года и с чем связана эта символика? О чем говорит название имения Болконских Лысье Горы? Почему двум главным персонажам Толстой дает имена апостолов, а княжне Марье — имя Богородицы?» Если антропонимическая система романа И.А. Гончарова «Обломов» (отсылки к пророку Илии и апостолу Андрею) уже была рассмотрена, то ученики, наверное, будут готовы дать ответы самостоятельно.

Исследователь смысла не только разведчик его, но и его творец, как писал Топоров [5: с. 8]. К сожалению, комментарии к «Войне и миру», например обстоятельный комментарий Б.И. Кандиева (1967), как и многие подобного рода издания, посвященные другим входящим в школьную программу произведениям, остаются в рамках комментария исторического, реального, биографического, в отдельных случаях затрагивается история создания произведения. Но все эти сведения можно найти и в справочниках, энциклопедиях, словарях, комментариях к собраниям сочинений. Идеальным пособием для ученика и учителя был бы не только комментарий функциональный, например о том, кто изображен под именем аббата Морио, или о том, кто такой Гердер, но и анализ мотива вечного мира в книге Толстого. Не только пояснение, что такое «кодекс Юстиниана», но и скрытая в этой детали параллель с судьбой Андрея Болконского, противопоставленного у Толстого сразу четырем императорам: Юстиниану, Наполеону, Францу и Александру I. Комментарий к «Войне и миру» должен быть комментарием именно к произведению, к «лабиринту сцеплений» (выражение Л.Н. Толстого) в нем и вокруг него, а не к упоминающимся историческим фактам. Не для того ведь написана «Война и мир», чтобы поспорить с Лас Казом, изобразить Баздеева/Поздеева или опровергнуть взгляды современников на Сперанского.

«“Война и мир” — одно из самых сжатых произведений мировой литературы», — заметил А.Т. Твардовский [4: с. 37]. Скорее всего, самое сжатое. И читать эту книгу — значит помнить, что смысл «не задан, но всегда иском» [5: с. 8], учитель же учит искусству поиска.

Библиографический список

Источники

1. Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 22 т. М.: Худ. лит., 1978–1985.

Литература

2. Галкин А.Б. Литературоведение как миф // Литературоведение как проблема. М.: Наследие, 2001. С. 393–427.

3. *Саводникъ В.* Очерки по истории русской литературы XIX вѣка. М.: Печатня С.П. Яковлева, 1911. Ч. 2. 340 с.
4. *Твардовский А.Т.* О литературе. М.: Современник, 1973. 448 с.
5. *Топоров В.Н.* Дорогому Сергею Бочарову // Литературоведение как литература: Сборник в честь С.Г. Бочарова. М.: ЯСК; Прогресс-традиция, 2004. С. 7–9.
6. *Фостер Т.* Искусство чтения. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. 304 с.

References

Istochniki

1. *Tolstoj L.N.* Sobr. soch.: v 22 t. М.: Худ. lit., 1978–1985.

Literatura

2. *Galkin A.B.* Literaturovedenie kak mif // Literaturovedenie kak problema. М.: Nasledie. 2001. S. 393–427.
3. *Savodnik V.* Oчерki po istorii russkoj literatury' XIX veka. М.: Pечатnya S.P. YАkovleva, 1911. CH. 2. 340 s.
4. *Tvardovskiy A.T.* O literature. М.: Sovremennik. 1973. 448 s.
5. *Toporov V.N.* Dorogomu Sergeyu Bocharovu // Literaturovedeniye kak literatura: Sbornik v chest' S.G. Bocharova. М.: YaSK; Progress-tradiciya. 2004. S. 7–9.
6. *Foster T.* Iskusstvo chteniya. М.: Mann, Ivanov i Ferber, 2015. 304 s.

E. Yu. Poltavets

Then What Must We Do with «War and Peace»?

«War and Peace» by Leo Tolstoy has always been one of the main parts of literature courses in home school-curricula. It was quite impossible to imagine grammar-school literary teaching without this very work by Tolstoy even in the century before last. At present though, it is a matter of opinion. The paper gains an insight into this problem. The author also submits to consideration some approaches of «War and Peace» school teaching.

Keywords: Leo Tolstoy; «War and Peace»; examination composition; school teaching; pupil's creative gifts.